

БУНИНСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПОВЕСТИ «ДРУГАЯ ЖИЗНЬ» ЮРИЯ ТРИФОНОВА

О.Н. Владимиров

Ключевые слова: Бунин, Трифонов, Фет, реминисценция, диалог, влияние.

Keywords: Bunin, Trifonov, Fet, reminiscence, dialogue, influence.

DOI 10.14258/filichel(2021)2-04

В эссе 1969 г. «О Буине» Юрий Трифонов, вспоминая о своем «открытии» этого писателя («Никто прежде именно в этом смысле — воздействие фразы, слова — так сильно на меня не действовал»), отмечает оказанное им «огромное влияние на большинство современных молодых прозаиков — в основном в области стиля, пластики слова» [Трифонов, 1987, с. 525]. Высокая оценка бунинского влияния заставляет предположить, что оно распространилось и на другие уровни прозы самого Трифонова. Не претендуя на развернутое исследование этой темы и не исключая диалога писателя с другими авторами (см., например, об этом: [Селеменова, 2005, с. 97–101; Селеменова, 2008, с. 283–287; Ярко, 2016, с. 96–102]); остановимся на месте и роли некоторых произведений Бунина в повести «Другая жизнь».

В этом едва ли не самом реминисцентно насыщенном произведении Трифонова (упоминаются писатели, книги, персонажи: Пушкин, Л. Толстой, Горький, Цвейг, Хемингуэй; «Капитанская дочка»; модистка и дантистка из «Ошибки» Саша Черного, Пьер Безухов, «гоголевская покойница», «чеховский ученый сосед», булгаковский Воланд; «шекспировский вопрос», стихотворение Тютчева о мысли изреченной и др.) единственная прямая цитата из Бунина кажется проходной. Вероятно, поэтому она и не обращает на себя особого внимания. Это неточное воспроизведение строки *Грибы сошли, но крепко пахнет...* из бунинского стихотворения «Не видно птиц. Покорно чахнет...» (И. Бунин, 1965, с. 68). У Трифонова Ольга Васильевна вспоминает ...*Серезино непрерывное бормотание: “Грибы прошли, но крепко пахнет...” — и еще другое, его любимое: “Какая холодная осень. Надень свою шаль и капот...”* (Ю. Трифонов, 1988, с. 305).

Вторая цитата здесь — из стихотворения Фета «Какая холодная осень!..». Фетовские стихи, следующие за строкой Бунина, отсылают к его рассказу «Холодная осень». В нем герой читает те же строки Фета, а после вопроса рассказчицы о продолжении стихов вспо-

минает: *Смотри — меж чернеющих сосен / Как будто пожар восстает...* (вместо правильного «*Смотри — из-за дремлющих сосен...*») (И. Бунин, 1966в, с. 207).

Она спрашивает: «Какой пожар?», не понимая сравнения восхода луны с пожаром, как не понимает метафор другая бунинская героиня — Лика — при чтении Арсеньевым стихов Фета и Полонского, но в романе резче, очевиднее разведены его развитый поэтический слух и ее нечуткость к художественной речи, обозначенная как *беспоощадное безучастие* (И. Бунин, 1966б, с. 213–215). Татьяна Бек, обращая внимание на эту сцену в «Жизни Арсеньева», сравнивает Лиду и Арсеньева, соответственно, с Дмитриевым и Таней в «Обмене» и отмечает, что «влюбленные персонажи Трифонова часто цитируют стихи, свои и чужие» (см.: [Бек, 1999, с. 185]). Разные варианты этой ситуации, когда цитируемые стихи так или иначе соотносят его и ее (являются свидетельством непонимания, неприятия, знаком сближения или отчуждения героев друг от друга и т.п.); у Бунина представлены и в «Темных аллеях», «Русе», «Куме», первой редакции «Натали» и др.

Переделка строки Фета («чернеющих сосен» вместо «дремлющих») напоминает о поэтической графике в создании художественного пространства в собственных стихах Бунина, ср.: *...ельник черный / Стоит на фоне золотом / Стеною траурно-узорной...* (И. Бунин, «Вирь», 1965, с. 126); *В черном узоре ветвей — месяца рог золотой* («Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...») (И. Бунин, 1965, с. 215); *...светло и нежно небо светит / Сквозь нагие черные дубы* (И. Бунин, «Сквозь ветви», 1965, с. 227); *...Застят ели черной хвоей запад, / Золотой иконостас заката* (И. Бунин, «Канун Купалы», 1965, с. 187) и др.; из многих подобных выбраны стихи с черным цветом деревьев.

В фетовском же оригинале эпитет «дремлющий» акцентирует метафоричность следующей строки (*Смотри: из-за дремлющих сосен / Как будто пожар восстает*) и всего стихотворения о неразделенной любви. В «Холодной осени» и «Другой жизни» любовь взаимна. В рассказе расхождение между героями только намечено: юной невесте требуется объяснение непонятного образа. В повести же непонимание мужа умной и образованной женой связано не с ее поэтической глухотой, а с принципиально разным отношением к жизни и смерти. Биохимик Ольга Васильевна, для которой *всё начинается и кончается химией* (Ю. Трифонов, 1988, с. 290), не понимала и не принимала при жизни Сергея метафорически выражаемые им мысли о связи времен и преодолении смерти памятью.

Развивая сюжеты стихотворения и рассказа, Трифонов усваивает и бунинскую пластику (ср.: «Проза Бунина не столько проза поэта, сколько проза художника — в ней чересчур много живописи» (Ю. Трифонов, 1987, с. 525)). В абзаце, где цитируются стихи двух поэтов, заметна по-бунински изображенная деталь пейзажа (см. приведенные выше примеры художественной графики у поэта): *...и было уже под вечер, красноватая желтизна за темными стволами...* (Ю. Трифонов, 1988, с. 305). В другом месте графическое сочетание линии и заднего плана (яркого пятна) не только служит, как у Бунина, созданию художественного пространства, но и — иносказательной передаче глубины исследовательских интуиций Сергея и, в целом, психологической многомерности потока сознания Ольги Васильевны, воспроизводящей его рассуждения:

И вдруг сверкнет как догадка, как слабая заря за стволами — другая жизнь <...> В разговорах они прошли далеко в глубь леса, забыв о грибах. <...> они торопились продрасться сквозь хвойную чащу, потому что где-то впереди брезжила светлота, там мерещились прогалы, поляны. Там начиналась другая жизнь (Ю. Трифонов, 1988, с. 345).

Оба произведения — «Холодная осень» и «Другая жизнь» — представляют собой внутренние монологи героинь, вспоминающих о близком человеке и прошедшей с ним и без него жизни. (Героиня переживает героя и в бунинском рассказе «В Париже», который выделяет Трифонов: «Больше всего у Бунина мне нравится рассказ “В Париже”» (Ю. Трифонов, 1987, с. 525). Многослойность сознания и воспоминаний Ольги Васильевны соотносима со сложной структурой памяти в бунинской прозе (этапными здесь являются «Антоновские яблоки», «Суходол», «Жизнь Арсеньева»). Психологическое состояние Ольги Васильевны (сон в сочетании с памятью, переходящий в явь, и наоборот, как и сопряжение планов настоящего и прошлого) на последних страницах повести не только распространяет убежденность бунинской героини, что, кроме того *холодного осеннего вечера, остальное ненужный сон* (И. Бунин, 1966в, с. 210). Оно сопоставимо с последним страшным сном Мити в «Митиной любви», онейрическими состояниями в поздних рассказах «Музыка», «Зимний сон», «Пингвины», «В ночном море» и других, с новаторскими повествовательными формами в поздней бунинской прозе (см. об этом: [Мальцев, 1994, с. 280–283]).

Кроме этих параллелей (там и здесь — он и она, сентябрь, рядом с героинями их любимые читают начальные строки стихотворения Фета «Какая холодная осень!..»); не ограничиваются внешним сходством и другие совпадения в обоих текстах.

Героиня «Холодной осени» после известия о гибели жениха *встретила человека редкой, прекрасной души, пожилого военного в отставке, за которого вскоре вышла замуж и с которым уехала в апреле в Екатеринбург...* (И. Бунин, 1966в, с. 209). Другого человека после смерти мужа встретила и Ольга Васильевна. Обе говорят о новом мужчине в контексте своих воспоминаний о первом. И обе, скорее, догадываются, чем знают, в отличие от авторов, о трагическом предопределении судеб своих любимых (о предначертанности разлук и встреч бунинских героев см.: [Владимиров, 2014, с. 92–99]).

Рассказ и повесть связывает общий для них мотив воспитания девочек (дочь племянника мужа, воспитанная героиней «Холодной осени», и Иринка, дочь героев «Другой жизни»). Понимание рассказчицей того, что в ее жизни был *только тот холодный осенний вечер*, усилено *совершенным равнодушием* к ней выросшей воспитанницы (И. Бунин, 1966в, с. 209). И рефлексия Ольги Васильевны углубляют ее сложные отношения с дочерью.

Сближает оба произведения соотнесенность судеб их персонажей с эпохальными событиями в стране. Герой бунинского рассказа был объявлен женихом героини летом (в Петров день) 1914 г., в начале Первой мировой войны, о чем сообщается в краткой экспозиции. Прощание же с ним состоялось перед его отъездом на фронт в сентябре того же года (И. Бунин, 1966в, с. 206). Судьбы героев в «Холодной осени» показаны в вихре истории XX века. Человек и история — центральная тема творчества Трифонова. Историками, как Сергей Троицкий, являются и другие его герои (Гриша Ребров в «Долгом прощании», повествователь в «Доме на набережной», Летунов в «Старике»). Ольга Васильевна и Сергей Троицкий знакомятся, вероятно, весной 1953 года, после смерти Сталина: *И было еще: начало весны, той тревожной, неясной, которую еще предстояло разгадать, как слово “дялгзв”, когда все кругом затаив дыхание чего-то ждали, предполагали, шептались и спорили* (Ю. Трифонов, 1988, с. 219).

Загадочное слово, дикое «дялгзв», образованное Сергеем от «взгляда» в начале знакомства с Ольгой Васильевной, пронзило ее, как игла. Тут был, может быть, пароль, определивший жизнь. <...> оно было зеркальным отражением другого слова, истинного, в которое она бесконечно верила, — “взгляд” (Ю. Трифонов, 1988, с. 219). Этот «пароль» не только явился *предчувствием перемены судьбы*, не только определил её совместную с Сергеем Троицким жизнь, но и предрекал будущую ретроспекцию этой — «другой» — жизни уже после смерти мужа. Поэтому игра со словом «взгляд», *pronзившим* Ольгу Васильевну, имеет в пове-

сти композиционное и концептуальное значение. *Ей, биологу, материалисту* (Ю. Трифонов, 1988, с. 290), подобно бунинским героиням верившей в истинность слова в прямом значении, было трудно, если вообще возможно, понять глубину метафизических прозрений мужа. Эти трифоновские герои с их мировоззренческими позициями напоминают «господина с прямыми плечами» и «пассажира под пледом» из бунинского рассказа «В ночном море». Первый — врач-рационалист, второй — писатель, чьи «поэтические» прозрения убедительнее трезвых доводов оппонента и чей голос сливается с авторским. В них можно увидеть не просто бывших соперников, а две персонификации сознания автора, ведущего с собой нескончаемый диалог.

Понимание и приятие «другой жизни» Ольгой Васильевной реализуется, как отмечает Н.Л. Лейдерман, «духовный проект Сергея: преодолеть замкнутость своего «я», выйти к другому, к пониманию другого» [Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 240]. В своих воспоминаниях она преодолевает отчужденность от Сергея в их совместной жизни. Духовное воссоединение ее с мужем подобно ожидаемой героиней «Холодной осени» встрече с любимым в мире ином в соответствии с его обещанием-напутствием: *Ну что ж, если убьют, я буду ждать тебя там. Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне* (И. Бунин, 1966в, с. 208). Второе из этих предложений она повторяет в конце рассказа, утверждаясь в мысли, что в ее жизни, кроме *того холодного осеннего вечера, остальное ненужный сон* (И. Бунин, 1966в, с. 210). (Ср. в «Позднем часе»: *Если есть будущая жизнь и мы встретимся в ней, я стану там на колени и поцелую твои ноги за все, что ты дала мне на земле* (И. Бунин, 1966в, с. 41); в «Неизвестном друге»: *Через пятнадцать, двадцать лет не будет, вероятно, ни меня, ни Вас в этом мире. До встречи в ином!* — и далее, до конца рассказа (с. 98); о мотиве *священнейшей в мире встречи* (И. Бунин, 1966а, с. 104) [Владимиров, 2016, с. 195–205]. Эта ключевая в рассказе фраза смысловой насыщенностью и формульной четкостью напоминает замки бунинских сонетов. Подобен сонетным замкам и смыслоемкий финал повести Трифонова. Он фокусирует значения названия: «другая жизнь» — это и внутренний мир Сергея Троицкого, и его жизнь с Ольгой Васильевной, воспроизводимая в ее воспоминаниях, и ее эгоистическая позиция утверждения права на собственное понимание жизни, и преодолеваемое ею непонимание историософии мужа, и встреча с другим человеком, и ее жизнь после мужа, но с памятью о нем, и др.

Представление Сергеем Троицким истории как пути преодоления забвения и смерти, сохранения памяти об ушедшем созвучно бунин-

ской историософии. *Ты ведь знаешь мою идею, — обращается герой к жене, — нить, проходящая сквозь поколения... Если можно раскапывать все более вглубь и назад, то можно отыскать уходящую вперед...* (Ю. Трифонов, 1988, с. 304). До этого она вспоминала об исследовательской методологии мужа:

Им <Бросову и Климуку> не нравился метод, с которым он носился и который назвал полушутливо-полусерьез “разрывание могил”. На многих его тетрадях написано на обложке “РМ”, что означает “разрывание могил” и говорит о том, что он относился к этой романтической метафоре более серьезно, чем шутливо. Он искал нити, соединявшие прошлое с еще более далеким прошлым и с будущим (Ю. Трифонов, 1988, с. 290).

Отметим, что аббревиатура «РМ» может относиться не только к «разрыванию могил», но и к «романтической метафоре». К тому же оба словосочетания употреблены в несобственно-прямой речи, передающей голоса героини и повествователя. В этом двойном звучании и двойном же значении сокращение «РМ» усиливает «серьезность» «реалистически-метафизического» «метода» героя.

«Романтическая метафора», она же метод «разрывания могил», «дядлгзв», напоминает о бунинском сонете «Могила в скале». В нём «путник», оказавшись свидетелем «проби<вания> входа» в древнейшем нубийском захоронении (то есть «разрывания могилы»); внутренним усилием воскрешает событие пяти тысячелетней давности и приближает его к сиюминутности происходящего. В заключительном восклицании: *Тот миг воскрес. И на пять тысяч лет / Умножил жизнь, мне данную судьбою* (И. Бунин, 1965, с. 320) — бунинский «путник» осознает себя духовным наследником далекого инонационального сородича. Этим стихам близко признание рассказчика в «путевой поэме» «Свет зодиака» из книги «Тень птицы»: *...исчезают века, тысячелетия, — и вот, братски соединяется моя рука с сизой рукой аравийского пленника, клавишего эти камни...* (И. Бунин, 1965а, с. 355) — и в рассказе 1924 г. «Скарабей»: *Все-таки радоваться. Все-таки быть в том вовеки неистребимом и самом дивном, что до сих пор кровно связывает мое сердце с сердцем, остывшим несколько тысячелетий тому назад* (И. Бунин, 1966а, с. 144). *Бессмертье «того, кто любит жизнь»*, провозглашается и в стихотворении 1901 года «Любил он ночи темные в шатре...», и в стихотворении 1916 года «Луна и Нил. По берегу к пещерам...».

В сонете «Могила в скале» и в других произведениях бунинский герой не столько преодолевает телесную брэнность, свою онтологическую ограниченность, сколько подтверждает неизменное метафизи-

ческое чувство прапамяти. Трифоновский Сергей обозначает его как *ощущение бесконечности нити, часть которой он сам <...> закодированное, передающееся с генами ощущение причастности к бесконечному ряду* (Ю. Трифонов, 1988, с. 290). Преодолевая время, он, подобно бунинскому герою, общается к вечности.

Воспоминания Ольги Васильевны о счастливом сентябрьском утре «золотого дня», когда они с Сергеем ищут Кошелькова, вызывают в ее памяти другой момент редкого семейного согласия. На вопрос Иринки о счастье Ольга Васильевна отвечает: *Вот этот вечер в лесу, мы трое на лыжах — это счастье. Понимаешь? Это и есть...* (Ю. Трифонов, 1988, с. 305). Лексика, интонация этой фразы вместе со стихами, цитируемыми несколькими строками выше, напоминают не только о том же времени дня в «Холодной осени», последнем из проведенных героями вместе (*Буду жив, вечно буду помнить этот вечер...* (И. Бунин, 1966в, с. 208); но и о сонете «Вечер»: *О счастье мы всегда лишь вспоминаем. / А счастье всюду. Может быть, оно / Вот этот сад осенний за сараем...* (И. Бунин, 1965, с. 322); эти строки Бунин написал в августе 1909 года, через несколько дней после «Могила в скале». Главное же в этом воспоминании — произвольный (...она задумалась всерьез, чтобы ответить понятно и кратко, но ничего не придумывалось, и тогда она вдруг сказала...) и не понятый ею смысл своего ответа (...сказав, она не понимала по-настоящему (Ю. Трифонов, 1988, с. 305). В эту минуту Ольга Васильевна неосознанно выражает полноту чувств словами из когда-то прочитанного или услышанного от мужа бунинского стихотворения. Неожиданный для Ольги Васильевны ее ответ дочери свидетельствует об изначальном внутреннем родстве мужа и жены, в отличие от Тани и Дмитриева в «Обмене», оставшихся далекими друг другу. Он означает преодоленную здесь эмоциональную глухоту, достигнутое кратковременное духовное единение с Сергеем, то есть фактически осуществленную ею его попытку проникнуть в другого, отдать себя другому, исцелиться пониманием (Ю. Трифонов, 1988, с. 344–345) и предвосхищает будущую, после его смерти, встречу с ним. В этих воспоминаниях Ольги Васильевны метафизика любви по-бунински вписана в метафизику природы.

В сонетном замке «Вечера» герой, обретая гармонию с миром, выходит к светлому философскому обобщению: *Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне* (ср. с определением счастья в «Снах Чанга»: *...весь мир был в его душе в эту минуту...* (И. Бунин, 1966, с. 380), с семантически близкой к «счастью» «радостью» — пожеланием героя в «Холодной осени»: *...порадуйся на свете...*). Трифонов мог запомнить и сказанные Бунину

слова Толстого: *Счастья в жизни нет, есть только зарницы его — цените их, живите ими...* («Освобождение Толстого») (И. Бунин, 1967, с. 58).

Не случайно и усвоенное героиней слово-понятие «нить», которым Сергей обозначает связь прошлого с настоящим. «*Выдирая*» «*бессчетные нити*», связанные с не отпускающей её «*болью*», Ольга Васильевна исследует свою жизнь с мужем (Ю. Трифонов, 1988, с. 263 и др.). Эти нити несовместимы с *единственно прочной нитью, за которую стоит держаться — исторической целесообразностью* (Ю. Трифонов, 1988, с. 277); то есть с официально-догматическим представлением о закономерностях истории, которое позволяет Климукам и Кисловским добиваться карьерного роста и материальных благ.

В целом реминисцентный слой произведения является внешним выражением опоры его героев на культуру как способ существования и ориентации в обременительных бытовых и социальных обстоятельствах. В этом отношении историк Сергей и пробивающаяся к его правде Ольга Васильевна интеллигентностью, приобщением к поэзии противостоящие конформизму Климука, Шарипова и других *железных малышей*, близки персонажам произведений писателей-современников. Это, в частности, герои романов Ю. Домбровского, повестей В. Быкова 1970-х годов, аллюзивных драм Э. Радзинского и Г. Горина, лирические герои неоклассицистической поэзии, не бегущие от реальности, а стойчески ее принимающие.

В повести Трифонова есть и другие, менее заметные знаки Бунина, говорящие о внимательном чтении младшим писателем произведений старшего. Деревушка Васильково, где герои «Другой жизни» *прожили несколько жарких и хмурых, гнилых и солнечных лет* (Ю. Трифонов, 1988, с. 299) и куда в конце сентября Сергей «уехал один», напоминает об усадьбе Васильевское (Васильевке) в творческой биографии Бунина. Васильевское описано им, в частности, в «Жизни Арсеньева», В.Н. Муромцевой-Буниной — в «Жизни Бунина» и «Беседах с памятью». Именно здесь, в Васильевском, в августе 1909 года были созданы сонеты «Могила в скале» и упомянутый в «Беседах с памятью» «Вечер» (см.: [Муромцева-Бунина, 1989, с. 458–459]). Ольга Васильевна — биохимик, химиком по образованию была и В.Н. Муромцева-Бунина, пережившая мужа и написавшая о нем две книги. Кошельков Евгений Алексеевич, секретный сотрудник московской дореволюционной охраны, тот, кого нашел Сергей, — тезка среднего брата Бунина, Евгения Алексеевича Бунина. Понятно, что здесь нет речи о прототипах и прямых аналогиях.

Кажущиеся произвольными, «странными сближеньями», эти совпадения окружают явную реминисценцию из Бунина. Но если и посчитать их надуманными, вряд ли случайна повторяющаяся фраза Евге-

ния Алексеевича Кошелькова *Бабья лета нынче удалась...* (Ю. Трифонов, 1988, с. 306, 312). Она отсылает к нередко встречающемуся в прозе Бунина диалектному (южно- и среднерусскому) употреблению существительных среднего рода в женском (при частом фонетическом совпадении с ними, передаваемом Трифоновым графически — «лета» вместо «лето») и согласованию с такой формой существительного других частей речи (ср., например: на вопрос Тихона Ильича в «Деревне», зачем Дениска едет в Тулу, тот отвечает: *Може, место какая выйде...* (И. Бунин, 1965а, с. 56). Или: Яков отвечает Тихону Ильичу: *Болтали, к примеру, что вышла, мол, распоряжение... вышла будто распоряжение — никак не работать у господ по прежней цене* (И. Бунин, 1965а, с. 28). В «Веселом дворе»: прохожая старушка, рассказывая Анисье о сыне, замечает: *...раньше лицо красная, как сукно, была...* (И. Бунин, 1965а, с. 283). *Хоросую, хоросую жалованью получает, — бормотал <...> косноязычно Володя* в рассказе «При дороге» (И. Бунин, 1966, с. 185). См. также оценку Трифоновым бунинских речевых характеристик: «Поражало еще, как удивительно точно и живо говорят люди, крестьяне» (Ю. Трифонов, 1987, с. 525).

В повести «Другая жизнь» встречается и заглавие, повлиявшего на нее рассказа: *Потом было много, бессчетно, других ночей в городе и на даче, летом, в дождь, холодной осенью...* (Ю. Трифонов, 1988, с. 230). Ассоциацию с «Антоновскими яблоками» вызывает воспоминание о том, как герои *... заходили в дома, разговаривали в палисадниках, где пахло яблоками* (с. 306); а с «Золотым дном», «Листопадом», рядом стихов — элегический мотив «золотого дня»: *сине-золотой день* (с. 306), *В том золотом дне* (с. 312), *золотой день* (с. 316). С «Густым зеленым ельником у дороги...» сближен *... ельник, густой и тяжелый от влаги...* (с. 345). Своими усердными архивными изысканиями, работой в библиотеках, постоянными поисками «*ничей*», сомнениями в необходимости этих занятий (с. 250, 288, 293, 345); то есть «*разрыванием могил*», Сергей Троицкий напоминает о подвижничестве Фисуна и апологии архивного дела в одноименном бунинском рассказе. В его финале близкий автору повествователь признается:

Я <...> всецело присоединился теперь к тому великому почтению, какое питал покойный Фисун к архивам. <...> очень прав он был, что немислима без архивов жизнь <...>. Фисун говорил: "А ежели справка понадобится?" Так вот, ежели понадобится справка о нашем времени, пригодится, может быть, и моя справка о нем» (И. Бунин, 1966, с. 297).

Ольга Васильевна вспоминает:

Сереза сидел в архивах с утра до вечера. Заполнил выписками тридцать шесть толстых тетрадей. Тридцать шесть! Она недавно пере-

считала. И все-таки чего-то ему не хватало — какого-то последнего знания, последнего опыта... (Ю. Трифонов, 1988, с. 288).

Обращение Сергея к парапсихологии, вероятно, и вызвано поисками этого *последнего знания, последнего опыта*, то есть сверхчувственных средств связи между прошлым и настоящим, — поисками, поддержанными внимательным чтением им (и Трифоновым) бунинских произведений.

Подобно своей героине, приходящей к пониманию «другой жизни», Трифонов осваивает опыт предшественника в осмыслении судьбы человека в контексте истории. Приобщение к Бунину поддерживает писателя в формирующейся в его творчестве концепции мира и человека — «самоценности частной жизни в контексте социальной истории» [Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 258]. Хотя Трифонов и признается, что Бунин «замечательный писатель, один из любимых. Но не самый любимый!» (Ю. Трифонов, 1987, с. 525), именно его книгами интересуется и его влияние испытывает Антипов, центральный персонаж последнего законченного романа писателя «Время и место» (Ю. Трифонов, 1989, с. 196, 251, 317).

«Холодная осень» и «Другая жизнь», соотносимые в тематическом, сюжетном, композиционном, персонажном планах, концептуально близки в осмыслении проблемы «частная жизнь человека и история». Исследуя в разных вариантах соотношение конкретно-исторического, личного и метафизического времени, в своих последних произведениях — «Старик», «Время и место», «Исчезновение» — Ю. Трифонов приходит к пониманию самодостаточности истории души в контексте истории государства и человечества, то есть к тому, что утверждал Бунин в начале рассказа «Сны Чанга»: *Не все ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле* (И. Бунин, 1966, с. 370).

На протяжении всего бунинского творчества, особенно в последний его период, история отступает перед сосредоточенностью писателя на главном для него — на раздумьях о тайнах памяти, природы, любви. Именно этот художественный опыт осмысления метафизики памяти, соотношенной с метафизикой любви и природы, и привлекает Трифопова, преодолевающего, подобно своему герою, официально-идеологическое прочтение истории.

Библиографический список

Бек Т.А. Проза Юрия Трифонова как инобытие поэзии // Знамя. 1999. № 8.

Владимиров О.Н. Стихотворения Бунина о встрече и разлуке как «стихотворения» // Сюжетология и сюжетография. №2. Новосибирск, 2014.

- Владимиров О.Н. Бунин-поэт. Логика творчества. Барнаул, 2016.
- Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М., 2003.
- Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. Франкфурт-на-Майне ; М., 1994.
- Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989.
- Селеменова М.В. Чеховские мотивы в повести Ю.В. Трифонова «Долгое прощание» // Русское литературоведение в новом тысячелетии. Т. 3. М., 2005.
- Селеменова М.В. Женские образы прозы Ю.В. Трифонова в свете чеховской традиции // Лики традиционной культуры: прошлое, настоящее, будущее : материалы Междунар. науч. конф. «Четвертые Лазаревские чтения». Челябинск, 2008. Ч. 1.
- Ярко А.Н. Чеховские традиции в повести Юрия Трифонова «Другая жизнь» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 5 (14).

Источники

- Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 1. Стихотворения. 1886–1917. М., 1965.
- Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 3. Повести и рассказы 1907–1911. М., 1965а.
- Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 4. Повести и рассказы 1912–1916. М., 1966.
- Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 5. Повести и рассказы 1917–1930. М., 1966а.
- Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. Жизнь Арсеньева. Юность. М., 1966б.
- Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. Темные аллеи. Рассказы 1931–1952. М., 1966в.
- Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 9. Освобождение Толстого. О Чехове. Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи. М., 1967.
- Трифонов Ю.В. И.А. Бунин // Трифонов Ю.В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. Отблеск костра: Документальная повесть; Рассказы; Время и место : роман; Статьи. М., 1987.
- Трифонов Ю.В. Исчезновение. Время и место. Старик : романы. М., 1989.
- Трифонов Ю.В. Московские повести. М., 1988.

References

- Bek T.A. *Proza Yuriya Trifonova kak inobytie poezii* [Prose of Yuri Trifonov as a different being of poetry]. In: *Znamya* [Banner]. 1999. No 8.

Vladimirov O.N. *Stihotvoreniya Bunina o vstreche i razluke kak «stikhovtoreniya»* [Ivan Bunin's «stikhovtoreniya» («echo-poems») on meeting and parting]. In: *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plotology and plotography]. Novosibirsk, 2014. No 2.

Vladimirov O.N. Bunin-poet. Logika tvorчества [Poet Bunin. The logic of creativity]. Barnaul, 2016.

Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Contemporary Russian literature: 1950-1990s]. In 2 vol. Vol. 2: 1968–1990. Moscow, 2003.

Maltsev Yu. *Ivan Bunin. 1870–1953* [Ivan Bunin. 1870–1953]. Frankfurt am Main; Moscow. 1994.

Muromceva-Bunina V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu* [Bunin's life. Conversations with memory]. Moscow, 1989.

Selemeneva M.V. *Chekhovskie motivy v povesti Yu.V. Trifonova «Dolgoe proshchaniye»* [Chekhov's motives in the story by Yu.V. Trifonova «Long Farewell»]. In: *Russkoe literaturovedenie v novom tysyacheletii* [Russian literary criticism in the new millennium]. Vol. 3. Moscow, 2005.

Selemeneva M.V. *Zhenskie obrazy prozy Yu.V. Trifonova v svete chekhovskoj tradicii* [Female images of prose by Yu.V. Trifonov in the light of Chekhov's tradition]. In: *Liki tradicionnoj kul'tury: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Materialy mezhdunar. nauch. konf. Chetvertye Lazarevskie chteniya* [The faces of traditional culture: past, present, future Materials of the international. scientific. conf. Fourth Lazarev Readings]. Chelyabinsk, 2008. Pt. 1.

Yarko A.N. *Chekhovskie tradicii v povesti Yuriya Trifonova «Drugaya zhizn'»* [Chekhov's traditions in the story of Yuri Trifonov «Another Life»]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural science. Oriental studies]. 2016. No 5 (14).

List of sources

Bunin I.A. *Sobr. soch.* [Collected works]. In: *Stihotvoreniya 1886–1917* [Poems 1886–1917]. In 9 vol. Vol. 1. Moscow, 1965.

Bunin I.A. *Sobr. soch.* [Collected works]. In: *Povesti i rasskazy 1907–1911* [Novels and short stories 1907–1911]. In 9 vol. Vol. 3. Moscow, 1965a.

Bunin I.A. *Sobr. soch.* [Collected works]. In: *Povesti i rasskazy 1912–1916* [Novels and short stories 1912–1916]. Moscow, 1966.

Bunin I.A. *Sobr. soch.* [Collected works]. In: *Povesti i rasskazy 1917–1930* [Novels and short stories 1917–1930]. In 9 vol. Vol. 5. Moscow, 1966a.

Bunin I.A. *Sobr. soch.* [Collected works]. In: *Zhizn' Arsen'eva* [Yunost Arseniev's life. Youth]. In 9 vol. Vol. 6. Moscow, 1966b.

Bunin I.A. *Sobr. soch.* [Collected works]. In: *Temnye allei. Rasskazy 1931–1952* [Dark alleys. Stories 1931–1952]. In 9 vol. Vol. 7. Moscow, 1966c.

Bunin I.A. *Sobr. soch.* [Collected works]. In: *Osvobozhdenie Tolstogo. O Chekhove. Izbrannye biograficheskie materialy, vospominaniya, stat'i* [Liberation of Tolstoy. About Chekhov. Selected biographical materials, memoirs, articles]. In 9 vol. Vol. 9. Moscow, 1967.

Trifonov Yu.V. *I.A. Bunin* [I.A. Bunin]. In: *Trifonov Yu.V. Sobranie sochinenij* [Collected works]. In 4 vol. Vol. 4. Moscow, 1987.

Trifonov Yu.V. *Ischeznovenie. Vremya i mesto. Starik: Romany* [Disappearance. Time and place. Old Man: Novels]. Moscow, 1989.

Trifonov Yu.V. *Moskovskie povesti* [Moscow stories]. Moscow, 1988.